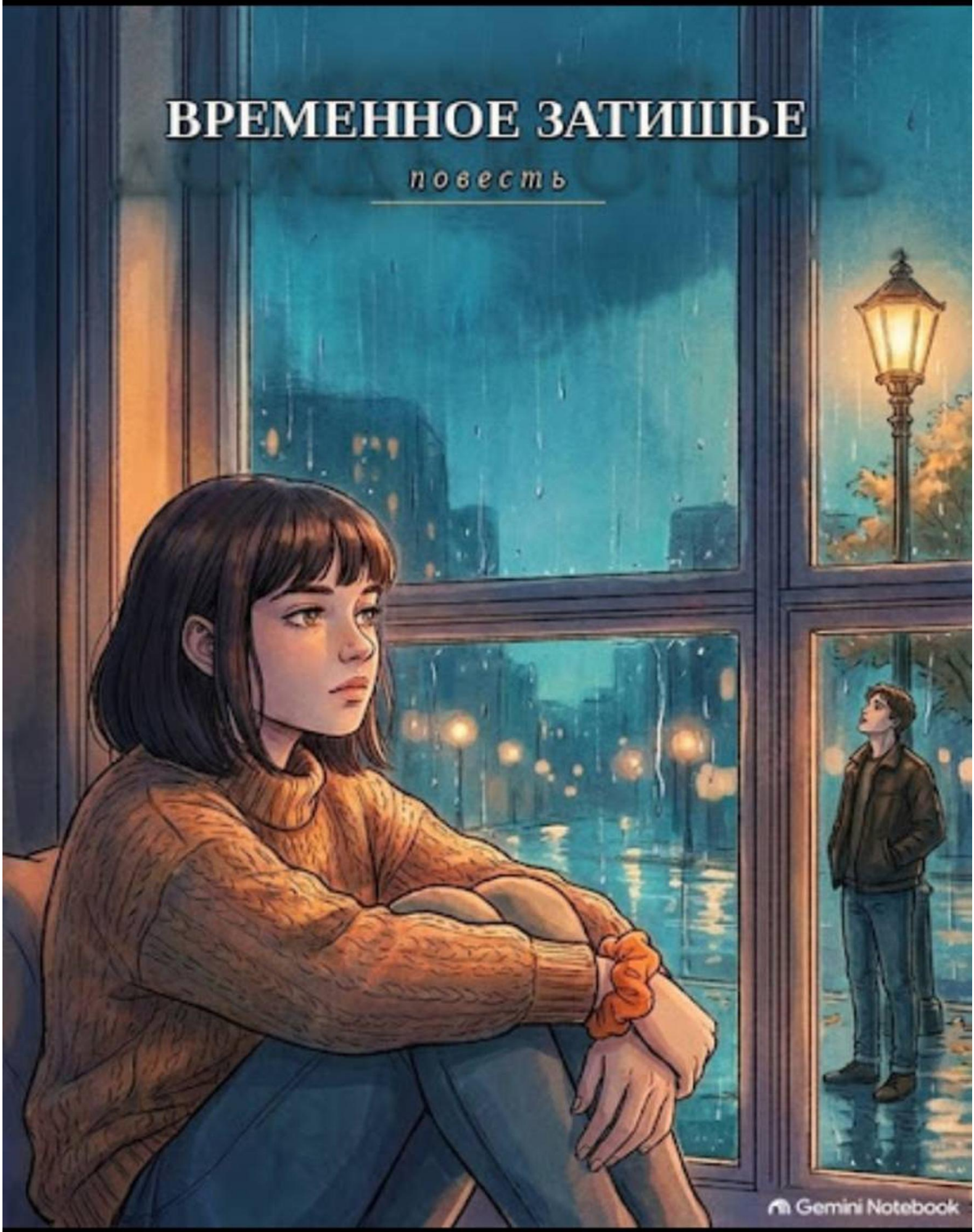

ВРЕМЕННОЕ ЗАТИШЬЕ
повесть
Gemini Notebook

Евгения Суконкина

Временное затишье

«Автор»
2026

Суконкина Е.

Временное затишье / Е. Суконкина — «Автор», 2026

Отделение детской неврологии пахнет хлоркой, строгим распорядком и чужой тоской. Четырнадцатилетняя Женя прячется за колючей броней и делает вид, что увлечённо раскладывает картонные карточки старой настолки, лишь бы задержаться в полупустой игровой комнате. Там, у единственной рабочей розетки у плинтуса, свой телефон заряжает шестнадцатилетний Даня — парень из «образцовой пары» отделения, затеявший опасную игру: кто из них первым покажет слабость и влюбится.То, что начиналось как способ пережить серые больничные будни, тайные ночные побеги и детские знаки внимания, растянется на долгие годы. Спустя время их ждёт общее лето в старой сталинке, иллюзия уютного спасения и катастрофический разрыв, после которого останутся только глухое молчание, слежка в осенних сумерках и оранжевая резинка на запястье. Это история о первой любви, которая учит взрослеть слишком рано, и о хрупком затишье перед неизбежной новой бурей.

© Суконкина Е., 2026
© Автор, 2026

Евгения Суконкина
Временное затишье

Глава 1

В Р Е М Е Н Н О Е З А Т И Ш Ь Е

ГЛАВА 1

Тихие знаки внимания

Женя, четырнадцать лет. Отделение детской неврологии.

Запах хлорки и застывшее время

Детская больница пахла одинаково во все времена: плотной, колющей ноздри смесью копеечных лекарств, едкой хлорки и чего-то неуловимо, глубоко грустного. Этот запах намертво въедался в хлопковую одежду, в волосы, в самые потаенные мысли, и казалось, что смыть его невозможно никакой водой. Сама тишина в этих бесконечных, выкрашенных казенной краской коридорах была какой-то особенной — не умиротворяющей, а гнетущей, лечебной, тяжёлой и оттого совершенно чужой для любого подростка. Меня зовут Женя, и мне тогда только-только исполнилось четырнадцать. Возраст, когда весь огромный мир за пределами этих кирпичных стен бурлит, меняется, влюбляется и безудержно бежит вперёд, а ты заперта в четырёх стенах отделения неврологии.

Я уже почти привыкла к монотонному, безжалостному распорядку, который подчинял себе каждого без исключения: резкий подъём от звяканья металлической тележки с градусниками, утренний обход строгих врачей, бесконечные лечебные процедуры, уколы, капельницы. А между ними — тягучие, пустые часы, которые нужно было как-то прожить, заполнить хоть чем-нибудь, чтобы стрелки старых настенных часов в холле наконец-то сдвинулись хотя бы на минуту вперёд. Время здесь не текло, оно лениво капало, как физраствор в системе.

Каждое утро начиналось с этой физической тяжести. В палате оставаться было невыносимо: соседки бесконечно переговаривались о процедурах и капельницах, воздух казался спертым и серым. Чтобы не растворяться в этой больничной тоске и переждать приступы слабости, я на ватных ногах уходила по длинному коридору в поисках другого места.

Сакральное место и парень у розетки

Самым живым, пульсирующим местом во всём отделении была игровая комната. Здесь жесткие правила больницы будто немного смягчались. Там стоял громоздкий старый телевизор с выпуклым экраном, который вечно рябил, обшарпанный стол с кучей настольных игр, где половина элементов была давно утеряна, пара глубоких кресел с продавленными сиденьями, в которых можно было свернуться калачиком, укрывшись с головой. Но главной достопримечательностью, за которую велась негласная ежедневная война, была розетка у самого плинтуса в углу. Это была самая ценная, почти сакральная вещь для всех, кто хотел хоть ненадолго, хотя бы через тусклый экран смартфона, вырваться из этого удушающего безмолвия в свой привычный мир друзей, громкой музыки и социальных сетей.

Именно у этой розетки он и появлялся чаще всего. Его звали Даня, и ему тогда было шестнадцать. Он казался невероятно взрослым, независимым и каким-то недосягаемым. Даня лежал в этом же отделении вместе со своей девушкой Викой. Они были местной «золотой парой» — всегда вместе, всегда со своими секретами, закрытые от остальных. Но Даня периодически заходил в игровую комнату в полном одиночестве, потому что его старый телефон садился гораздо быстрее, чем успевали закончиться их бесконечные подростковые разговоры и выяснения отношений в палате.

Он привычным, заученным движением втыкал зарядку в розетку, садился на самый край продавленного кресла, вытягивал свои длинные ноги в неизменных спортивных штанах и замирал. В эти минуты с него будто спадала вся эта наигранная взрослая уверенность, которая так сильно сбивала меня с толку при случайных встречах в коридоре. Он становился обычным парнем на пару минут. И в эти мгновения он казался мне не недосягаемым героем из какого-нибудь популярного молодежного сериала, а просто мальчишкой — уставшим, немного растерянным, таким, к которому больше всего на свете хотелось подойти, сесть рядом на жесткую лавку и сказать что-нибудь самое простое, обычное, глупое, просто ради того, чтобы он улыбнулся.

Полупустая игровая комната: розетка у плинтуса и старое кресло.

Выдуманная точка опоры

От скуки, от этого одинакового серого пейзажа за окном и от подступающего одиночества я придумала себе игру. Глупую, совершенно детскую игру в сильную, но тайную влюблённость. В этой моей выдумке Даня был идеальным объектом для романтических чувств, но строго — не для настоящей, осязаемой любви. Так мне было гораздо спокойнее, так работала моя психологическая самозащита. Я ведь прекрасно понимала суровую реальность. Я не хотела ничего серьёзного, смертельно боялась разбитого сердца и чужих насмешек; мне просто жизненно необходимо было за что-то держаться, за какую-то яркую эмоцию в этих абсолютно одинаковых, серых, тягучих больничных днях. Даня стал моей выдуманной точкой опоры.

И я со стальной настойчивостью находила любые, самые нелепые поводы, чтобы остаться в игровой комнате именно тогда, когда он сидел у своей розетки. Я часами делала вид, что увлечённо раскладываю картонные квадраты от старой настольной игры, хотя все её правила и выигрышные комбинации знала наизусть. Или по десятому кругу перебирала затрепанные, порванные журналы на полках, которые уже годами никто не держал в руках. Иногда я просто брала в руки старый кубик Рубика с наполовину ободранными наклейками и сосредоточенно крутила его в пальцах, делая такое лицо, будто решаю сложнейшую математическую задачу.

Всё это, от начала и до конца, было лишь неуклюжим предлогом, чтобы задержаться, чтобы ещё на пару минут продлить этот хрупкий момент, когда мы оказывались фактически наедине среди этого полупустого пространства игровой. Пространства, где даже тихий скрип старого стула или случайный вздох звучали слишком громко, нарушая больничный покой.

Он замечал мои маневры. Конечно же, замечал, глупо было думать иначе. Он же не был слепым. Даня прекрасно видел, как я старательно делаю вид, что смертельно занята своими делами, как я нарочито, слишком демонстративно избегаю его прямого взгляда, утыкаясь носом в стол. Но я никогда не выдерживала долго: через пару минут всё-таки сдавала позиции и бросала короткий, мимолётный взгляд в его сторону. И он в ответ улыбался. Не зло, не высокомерно, а как-то удивительно по-доброму, с едва заметной, лёгкой насмешливостью в уголках губ. Будто я была для него каким-то забавным, пушистым котенком, который очень старательно делает вид, что он тут по важному государственному делу, а не ради того, чтобы просто побыть рядом с человеком.

«Стратегия, значит»

— Ты опять эти карточки раскладываешь? — как-то раз не выдержал он и спросил, тихо кивнув на мой стол, нарушая тишину комнаты. — Их же тут уже сто раз до тебя раскладывали все, кому не лень.

Я мгновенно, до корней волос покраснела, пальцы тут же запутались в краях картонных квадратов, и одна деталь неловко выскользнула на пол.

— Ну… я просто… я думаю, как лучше их разложить по группам, — пробормотала я еле слышно под нос, чувствуя, как удушливый, обжигающий жар стремительно ползёт от шеи вверх, к щекам и ушам.

— Ага, — протянул Даня, чуть наклонив голову набок и не отрывая от меня взгляда своих серых глаз. — Стратегия, значит. Серьёзный подход. Понимаю.

И в этом его простом «понимаю» не было ни капли издевки или обидной насмешки, которой я так панически боялась. Скорее, в его голосе прозвучало что-то вроде тихого, ленивого одобрения. Он не прогонял меня, не отворачивался с демонстративным пренебрежением к мелкой девчонке, не делал вид, что меня вообще не существует в этой комнате. Он просто сидел, спокойно ждал, пока его древний мобильник наберет заветные проценты зарядки, и позволял мне находиться в паре метров от него, великодушно подыгрывая моему притворству, будто у меня действительно есть невероятно важное, неотложное дело.

Немая ревность к чужой жизни

А внутри меня тем временем кипела ревность. Тихая, абсолютно молчаливая, моя немая ревность. Я сжимала в пальцах картонные карточки, боясь поднять глаза и выдать себя. Я отчаянно ревновала его к Вике, которая имела полное, законное право заходить к нему в палату в любое время, обнимать его, смеяться вместе с ним. Ревновала к тем неведомым девчонкам из его «прошлой», вольной жизни, которые могли писать ему сообщения, звонить без больничных ограничений, гулять с ним по вечерним улицам вне этих проклятых стерильных стен.

Я ревновала его даже к этому глупому пластиковому телефону, который он так терпеливо, изо дня в день заряжал у плинтуса, будто ждал оттуда какого-то одного-единственного сообщения, которое было для него важнее всего остального мира, важнее этой игровой комнаты и уж точно важнее меня. И каждый раз, когда темный экран в его руке с тихим писком загорался, отражая синеватый свет на его лице, и на нём мелькало чьё-то чужое имя, горло сдавливало судорогой, перекрывая кислород. А потом я с трудом справлялась с этим удушьем и снова с утроенной силой делала вид, что просто выравниваю карточки по воображаемой линеечке.

Хрупкое равнодушие и тихие знаки

В эти короткие, украденные у больничной рутины моменты во мне одновременно, ломая друг друга, жили сумасшедшая надежда и какая-то детская, колючая страсть. Это было странное, изматывающее чувство: когда до дрожи в коленях хочется, чтобы он смотрел только на тебя, замечал каждое твоё движение, но при этом становится смертельно, до паники страшно, если он вдруг действительно поднимет глаза и посмотрит прямо в душу. Я больше всего на свете боялась, что если он хоть на секунду увидит, как сильно мне хочется быть замеченной им, как сильно я нуждаюсь в его внимании, то вся наша хрупкая игра в «равнодушие» моментально рассыплется в прах, и между нами не останется ничего, кроме моего жгучего, несмываемого подросткового стыда.

Но Даня, к моему счастью, никогда не смеялся надо мной по-настоящему, злорадно. Его, кажется, искренне и мягко забавляла эта моя неуклюжая, шитая белыми нитками попытка казаться абсолютно равнодушной, холодной стратегической натурой. Иногда, будто с барского плеча, он подкидывал мне какую-нибудь забавную мелочь, ломая дистанцию: старую, потёртую наклейку с логотипом рок-группы, которую случайно находил в недрах своих карманов, или отпускал какую-нибудь полушепотную шутку про правила настольной игры, в которую в этом отделении уже лет пять никто не играл. И я принимала эти крошечные, ничего не значащие для него знаки внимания и хранила их внутри себя так бережно, так фанатично, будто они были самыми дорогими, настоящими подарками в моей жизни.

Только начало

Мы были типичными подростками той поры: неловкими, угловатыми, смешными, до краев набитыми глупыми противоречиями и гордостью. Даня жил своей полноценной, взрослой жизнью, у него была реальная девушка, осязаемые планы на скорое лето, друзья, большие мечты, в которых, естественно, не было и не могло быть места для бледной четырнадцатилетней девочки из детского отделения. А я… я просто училась. Училась изо дня в день филигранно прятать свои бушующие чувства в эту придуманную, безопасную игру, где можно было безответно влюбляться, не рискуя вообще ничем, кроме собственного, и без того измученного больницей сердца.

Я сидела, прижимая к ладони очередную картонную карточку, и совершенно не знала тогда, в те тихие весенние дни, что эта душная игровая комната, эта розетка у самого плинтуса, эти украдкой брошенные сквозь челку взгляды и неловкие, глупые попытки привлечь его внимание — это далеко не финал. Это было только самое начало нашей долгой, ломаной истории. Истории, которая вопреки всему растянется на долгие годы, переживёт наши скорые расставания, глупые попытки всё забыть, чужие жестокие слова, километры расстояний и долгие, извилистые дороги друг к другу. Но тогда, в четырнадцать лет, я всего лишь грела пальцы о батарею и ждала, когда он снова повернет голову.

• • •

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.